КЪ ИСТОРІИ

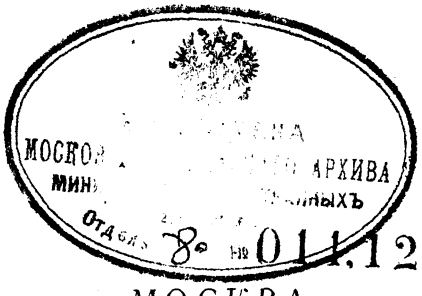
ТОМСКАГО БУНТА 1648 ГОДА.

Н. Н. Оглоблинъ.

ИЗДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульваръ.

1903.

„Пров 38“

Печатано подъ наблюденіемъ Дѣйствительнаго Члена **Н. Н. Оглоблина.**

53151

Въ ряду сибирскихъ бунтовъ XVII вѣка Томскій бунтъ 1648 г. занимаетъ выдающееся мѣсто [1]). Возникши на обычной для этого вѣка почвѣ раздоровъ между главнымъ воеводою и его товарищами, бунтъ разросся до необычайныхъ размѣровъ — до открытой борьбы двухъ враждовавшихъ сторонъ. Бунтъ служилыхъ и жилецкихъ людей противъ воеводы кн. Осипа Ивановича *Щербатаго*, руководимый его товарищами Ильей Никитичемъ *Бунаковымъ* и дьякомъ Борисомъ Исаковымъ *Патрекѣевымъ*, разрѣшился тѣмъ, что воеводѣ «отказали отъ воеводства», «заперли» его на воеводскомъ дворѣ и проч.

Въ отместку за это кн. Щербатой выдвинулъ противъ Бунакова тяжкія обвиненія, будто тотъ собирается въ Сибири «*Донъ заводить*», будто «хочетъ *Сибирью завладѣть*» и вмѣстѣ съ своими «воровскими кругами» стремится «смуту и воровство завести» въ другихъ сибирскихъ городахъ, пересылаясь «тайнымъ обычаемъ» съ тамошними «ворами» путемъ «воровскихъ грамотокъ»...

Пусть это обвиненіе въ какихъ-то сепаратическихъ замыслахъ Бунакова и его сторонниковъ и не было доказано, но нѣтъ дыма безъ огня... Уже одна мысль о возможности возникновенія подобныхъ замысловъ заслуживаетъ вниманія и тѣмъ болѣе, что дѣйствительно въ это время возникала «смута» во многихъ сибирскихъ городахъ — Нарымѣ, Кузнецкѣ и др. Броженіе это тѣмъ любопытнѣе, что оно стоитъ въ какой-то связи съ извѣстными московскими смутами 1648 г. [2]). Документы разсматриваемаго дѣла отмѣчаютъ, что ближайшимъ результатомъ броженія было то, что «*изо всѣхъ* сибирскихъ городовъ на воеводъ поѣхали (челобитчики) бити челомъ государю»...

Бунаковъ съ своей стороны обвинялъ кн. Щербатаго въ какихъ-то измѣнническихъ сношеніяхъ съ калмыцкими тайшами. Воеводѣ не трудно

---

[1]) Краткія свѣдѣнія объ этомъ бунтѣ и его главныхъ дѣятеляхъ см. въ «Обозрѣніи столбцовъ и книгъ Сибир. приказа», I, 181, 184, 189, 193, 194, 366, 369: III, 12, 91, 169. 170. 323; IV. 191.—См. также мою статью «Томскій бунтъ 1637—38 гг.» («Истор. Вѣстн.», 1901, № 7), гдѣ обрисовывается настроеніе Томскихъ служилыхъ людей незадолго предъ бунтомъ 1648 года.

[2]) «Обозр. ст. и кн. Сиб. пр.», I, 193, 194.

было оправдаться отъ этихъ подозрѣній, но много труднѣе—отъ другихъ обвиненій, выставленныхъ челобитными на него «ото всего города» и уѣзда.

Большинство служилыхъ и жилецкихъ людей держалось Бунакова и Патрекѣева. Во главѣ ихъ партіи стоялъ ссыльный человѣкъ Григорій Осиповъ *Плещеевъ-Подрѣзъ* [1]), бывшій патріаршій стольникъ [2]), затѣмъ выдающимися дѣятелями были Томскіе служилые люди—боярскій сынъ Ѳедоръ Ивановъ *Пущинъ* [3]), подьячій Тимофей *Мещериновъ*, казачій пятидесятникъ Иванъ *Володимерецъ*, черкашенинъ Михаилъ *Ярецкій*, казакъ Василій Михайловъ *Мухосранъ* и многіе другіе. Во главѣ малочисленной воеводской партіи стоялъ боярскій сынъ Петръ *Сабанской* [4]).

Помимо прямаго значенія предлагаемыхъ матеріаловъ, они очень цѣнны массою заключающихся въ нихъ бытовыхъ подробностей, относящихся преимущественно къ служилымъ людямъ. Особенно обращаютъ на себя вниманіе данныя о значеніи и роли воеводскихъ товарищей, о предѣлахъ ихъ власти, объ ихъ отношеніяхъ къ главному воеводѣ и т. п.—предметъ мало изслѣдованный въ исторической литературѣ.

Прямое и косвенное отношеніе къ Томскому бунту 1648 г. имѣютъ многіе столбцы Сибирскаго приказа, хранящіеся въ Московскомъ архивѣ м—ва юстиціи (см. въ указанныхъ цитатахъ «Обозрѣнія ст. и кн. Сиб. пр.»). Но ниже предлагаемые матеріалы къ исторіи бунта взяты только изъ 3 столбцовъ, наиболѣе существенныхъ по содержанію, именно:

а) *Столбецъ № 309*—документы о смѣнѣ съ воеводства кн. Осипа Щербатаго съ товарищи, 157 года.

б) *Столбецъ № 466*—Томскій «сыскъ» о бунтѣ 156 г., произведенный въ 160 г. Тобольскими «сыщиками» письменнымъ головою Степаномъ *Скворцовымъ* и подьячимъ Петромъ *Ерохинымъ*.

в) *Столбецъ № 469*—«очная ставка» кн. Щербатаго съ Бунаковымъ въ Сибирскомъ приказѣ, 160 г.

Всѣ эти матеріалы приведены мною въ извлеченіяхъ, съ сохраненіемъ наиболѣе характерныхъ мѣстъ и выраженій подлинника. Все существенное сюда вошло, отброшены же неимѣющія значенія подробности, разныя повторенія, формальности и т. п.—Столбцы не пагинированы.

---

[1]) Ibid., I, 198; III, 177, 323.

[2]) См. «боярскія книги» 137 года.

[3]) «Об. ст. и кн. Сиб. пр.». I, 363, 364; II. 56.—Позже онъ былъ Якутскимъ боярскимъ сыномъ.

[4]) Ibid.. I. 126, 127, 214, 215.—Позже Тобольскій боярскій сынъ.

а) Столбецъ № 309.

1) *Грамота Томскому воеводѣ кн. Ос. Щербатому, отъ 19 сентября 157 г.*

Въ 156 году писалъ онъ царю, что въ Томскѣ, «по заводу» Григорья *Плещеева* и «по совѣту товарищей твоихъ воеводы Ильи *Бунакова* да дьяка Бориса *Патрекѣева*», служилые люди боярскій сынъ Ѳедоръ *Пущинъ* и пятидесятникъ Иванъ *Володимерецъ* съ товарищи «учинили многую смуту и воровство—Томскихъ служилыхъ людей побили, а иныхъ они, Илья и Борисъ, въ тюрьму посадили—Петра *Сабанского* съ товарищи 23 человѣкъ, безъ нашего указу, а иныхъ подавали за приставы».

Ѳ. Пущинъ и казакъ Василій *Мухосранъ* съ товарищи приходили къ кн. Щербатому въ съѣзжую избу «съ большимъ шумомъ и съ невѣжествомъ, по заводу жъ» Бунакова и Патрекѣева, «лаяли» князя и «въ съзжей избѣ *сидѣть* у нашихъ дѣлъ *не велѣли*, и на воеводскомъ дворѣ тебя *заперли*, и приставили караульщиковъ, и приходить къ тебѣ никому не велѣли»... Засаженныхъ бунтовщиками въ тюрьму служилыхъ людей «хотятъ поморить голодомъ напрасно»...

Въ 155 г. Бунаковъ и Патрекѣевъ «извѣщали на тебя кн. Осипа наши царственныя великія дѣла» и тогда же били на князя челомъ царю томскіе «служилые и всякихъ чиновъ люди» пятидесятникъ Иванъ Володимерецъ съ товарищи, «что-де отъ твоихъ безмѣрныхъ налогъ и убытковъ, и отъ великіе твоей жесточи подъ судомъ имъ у тебя до нашего указу быть *невозможно*».

«И ты-де кн. Осипъ въ съѣзжей избѣ у нашего дѣла *сидѣть не учалъ*, и выждавъ ихъ, Илью и Бориса, изъ съѣзжей избы, приходилъ съ своего двора съ своими людьми въ съѣзжую избу, и нашу печать Томского города, и многіе наши дѣла, и наказы» прежнимъ воеводамъ «поималъ къ себѣ на дворъ» и все это «держишь у себя».

Бунаковъ и Патрекѣевъ отпустили въ Москву челобитчиковъ отъ имени служилыхъ, посадскихъ, крестьянъ и ясачныхъ людей, которые «били намъ челомъ *ото всего города* на тебя кн. Осипа во многихъ нашихъ дѣлахъ, и въ своихъ обидахъ, и въ налогахъ, и въ насильствахъ»...

«И мы указали—тебя кн. Осипа и Илью Бунакова въ Томскомъ *перемѣнить* [1]), а противъ вашихъ отписокъ» и челобитныхъ на князя

---

[1]) О дьякѣ Борисѣ Патрекѣевѣ не говорится, такъ какъ на смѣну его былъ уже присланъ новый дьякъ Михаилъ Ключаревъ.

«указали взяти васъ воеводъ и дьяка» и изъ челобитчиковъ—«кого они межъ себя излюбятъ», «для роспросу и очныхъ ставокъ въ Тоболескъ, и изъ Тобольска про то про все въ Томскомъ сыскать. А до перемѣны новыхъ воеводъ» вѣдать Томскъ князю съ Бунаковымъ и дьякомъ Михаиломъ *Ключаревымъ*, а челобитчикамъ «тебѣ не мстить и къ нимъ не приметываться»... Григорья Плещеева посадить въ тюрьму, до царскаго указа. Томскую печать, воеводскіе наказы и государевы дѣла, взятые княземъ на домъ, все вернуть въ съѣзжую избу.

2) *Грамота Ильѣ Бунакову и дьяку Мих. Ключареву, отъ 19 сентября 157 г.:*

Повтореніе предыдущей грамоты, но съ новымъ добавленіемъ:

Илья Бунаковъ и Борисъ Патрекѣевъ, «по *градскому* челобитью», посадили въ тюрьму «совѣтниковъ» кн. Щербатаго Петра *Сабанскаго* съ 23 товарищи: «и то ты Илья и дьякъ Б. Патрекѣевъ учинили негораздо, своею дуростью и воровствомъ», такъ какъ посадили ихъ «безъ нашего указу и безъ сыску».

Ѳедоръ *Пущинъ* съ товарищи «*бо́льшого* вашего товарища кн. Ос. Щербатаго обезчестили» и «у нашихъ дѣлъ быти не велѣли, а вы отъ того ихъ воровства *не унимали* и въ томъ имъ *потакали*, и за то воровство довелися вы нашіе опалы и большого наказанья».

«Да тыжъ Илья» и дьякъ Патрекѣевъ отпустили въ Москву челобитчиковъ на кн. Щербатаго боярскаго сына Ѳ. Пущина и казачьяго пятидесятника Ив. Володимерца съ товарищи, «давъ имъ отъ себя одну проѣзжую грамоту, знатно что потакаючи во всемъ Томскимъ людямъ для своей бездѣльной корысти».

Если кн. Щербатой «учнетъ кому томскимъ служилымъ и всякимъ людямъ за челобитье ихъ недружбы свои мстить и напрасно къ нимъ приметываться безъ вины..., и ему кн. Осипу за то отъ насъ быть кажнену смертью»... Если служилые и жилецкіе люди не станутъ подчиняться князю (до пріѣзда новыхъ воеводъ), будуть его безчестить и т. п., «и имъ за то отъ насъ потому жъ быть кажненымъ смертью»... Сабанскаго съ товарищи велѣно выпустить изъ тюрьмы.

3) *Грамота имъ же, отъ 17 сентября:*

Пущинъ и Володимерецъ съ товарищи били челомъ, что кн. Щербатой у служилыхъ людей «насильствомъ своимъ дворовыхъ ихъ людей и ясырь поотнималъ и держитъ ихъ у себя на дворѣ»... Грамота предписываетъ—отобрать ихъ у князя и отдать челобитчикамъ.

4) *Челобитная Томскихъ служилыхъ и жилецкихъ людей, въ сентябрѣ 157 г.:*

Просятъ, чтобы кн. Щербатову было запрещено вывозить изъ Томска дворовыхъ людей и ясырь челобитчиковъ, и просятъ дать «судимую грамоту» въ Томскъ на случай иска къ князю.

Приговоръ начальнаго человѣка Сибирскаго приказа: «приказалъ бояринъ кн. Алексѣй Никитичъ *Трубецкой* писати о томъ въ Тоболескъ къ боярину и воеводамъ кн. Ивану Ивановичу *Салтыкову* съ товарищи: и въ тѣхъ ихъ (челобитчиковъ) людехъ на кн. Осипа давати судъ, и по суду и по сыску указъ имъ чинить по государеву указу».

5) *Грамота Тобольскимъ воеводамъ, 157 г.:*

Объ исполненіи вышеуказаннаго приговора.

6) *Наказная память новымъ Томскимъ воеводамъ, 157 г.:*

Память на имя преемниковъ кн. Щербатаго съ товарищи—Михаила Петровича *Волынскаго*, Богдана Андреевича *Коковинскаго* и дьяка Михаила *Ключарева*.

Въ 152 г. сосланъ изъ Москвы въ Томскъ «за многое воровство» Григорій *Плещеевъ-Подрѣзъ*, котораго велѣно «дать за пристава» и, если онъ «учнетъ какимъ воровствомъ воровать», или кто изъ томскихъ жителей «учнутъ приставати» къ его воровству, то посадить его въ тюрьму. Плещеевъ сталъ воровать въ Томскѣ—«людей побивалъ», у одного служилаго человѣка «руку отсѣкъ», продавалъ табакъ, пиво, брагу и т. п.

Въ 153 г. его перевели въ Нарымъ, гдѣ онъ также «воровалъ» и о немъ, о попѣ Яковѣ Исаковѣ и др. производилось тамъ «сыскное дѣло», послѣ котораго Плещеевъ сосланъ въ Кузнецкъ. И здѣсь онъ «многимъ воровствомъ воровалъ»—билъ людей, грабилъ и пр., о чемъ подавали челобитныя служилые и жилецкіе люди. Мало того: «подговоря къ себѣ Кузнецкихъ ссыльныхъ людей», Плещеевъ собирался съ ними «черезъ степь *бѣжать на Яикъ*», для чего готовилъ вино (завелъ собственную винокурню) и др. припасы. Но замыселъ его былъ открытъ.

Въ Кузнецкѣ «держать его стало не умѣть» и его снова перевели въ Томскъ, гдѣ за одну «затѣйную челобитную» о мнимомъ «государевомъ дѣлѣ» велѣно его «бить батоги», что было исполнено въ съѣзжей избѣ при кн. Щербатомъ и дьякѣ Патрекѣевѣ, но Бунаковъ,

«*дружа* ему Подрѣзу, въ ту пору въ съѣзжую избу не поѣхалъ»... Послѣ наказанія Плещеевъ «сѣлъ на лошадь», заявляя князю, что тотъ «билъ его батоги не за дѣло»...

Съ тѣхъ поръ Плещеевъ «учалъ» на Щербатаго «умышлять всякіе свои воровскіе замыслы», продолжая попрежнему «воровать» всячески. Такъ, билъ челомъ на него пашенный крестьянинъ Семенъ Тѣльной, что Плещеевъ «жену его (Устиньицу) держитъ у себя для блуда на постелѣ», а челобитчика бьетъ и мучитъ. За это челобитье Плещеевъ покушался *отравить* Тѣльнаго, давши ему сулему въ рыбной ухѣ. Послѣдній «занемогъ», когда «выхлебалъ» той ухи. Опасаясь за это преслѣдованія, Плещеевъ еще сильнѣе сталъ агитировать противъ кн. Щербатаго и «межъ градскими людьми большую ссору чинить».

Когда въ 156 г. рѣшено, по государеву указу и «по градской скаскѣ», *перенести* Томскій «городъ» *на новое мѣсто* и уже начата была постройка новаго «города», Илья Бунаковъ, пользуясь болѣзнью кн. Щербатаго, сначала мѣшалъ этой работѣ, а потомъ и совсѣмъ остановилъ ее. Онъ распустилъ рабочихъ, запретилъ «градскимъ людямъ» давать деньги на работу, «горододѣльца» Петра *Терентьева* «называлъ измѣнникомъ», какъ и кн. Щербатаго, за неправильную якобы постройку крѣпости. Бунаковъ собирался съ весны строить «городъ» на другомъ, избранномъ имъ мѣстѣ, а не на томъ, которое избралъ князь и градскіе люди. Они не слушались Бунакова, отстаивая и продолжая уже начатую постройку. Бунаковъ «лаялъ» князя за эту постройку, затѣмъ «стакался» съ Плещеевымъ и Пущинымъ съ товарищи, начавши съ ними «заводы заводить» противъ Щербатаго.

Въ томъ же 156 г., по государеву указу, велѣно Плещеева освободить изъ-за пристава и «поверстать» по Томску. Бунаковъ и дьякъ Патрекѣевъ, «дружа» Плещееву, выдали ему полный окладъ годоваго жалованья, хотя «по росчету» слѣдовало выдать меньше—не за цѣлый годъ, а съ того числа, «въ которомъ числѣ прислана государева грамота»... Плещеевъ, «обнадежась на государскую милость, что ему велѣно служить по Томскому», сталъ еще сильнѣе «воровать всякимъ воровствомъ». Онъ началъ «къ себѣ прибирать *ссыльныхъ* людей» и «къ тому ихъ приводилъ, чтобъ изъ Томского *бѣжать*»... Объ этомъ замыслѣ «извѣщалъ» воеводу боярскій сынъ Кузьма Черницынъ, присутствовавшій на совѣщаніи о томъ Плещеева съ пашенными крестьянами (изъ ссыльныхъ людей) Максимомъ Зеркальцовымъ съ товарищи. Крестьянъ забрали въ съѣзжую избу, допрашивали, но большинство запирлось и только немногіе сознались, что на обѣдѣ у Плещеева шла

рѣчь о побѣгѣ, но они «были-де пьяни»... Крестьянъ отдали «на поруки».

Въ 154—156 годахъ «многижды» билъ челомъ кн. Щербатому боярскій сынъ Леонтій *Полтевъ* на боярскаго сына Ѳедора *Пущина*, который «отнялъ» у перваго жену Татьяну и держитъ ее у себя «насильствомъ», угрожая Леонтью смертью. Въ 156 г. Леонтья «не стало скорою смертью»...

Въ 156 г. Пущинъ посланъ дьякомъ Патрекѣевымъ, съ «товарами» его, для торговли по ясачнымъ волостямъ, причемъ Пущинъ сѣялъ смуту среди инородцевъ, распуская слухи, будто кн. Щербатой собирается «сильно крестить» ихъ и т. п. Для успокоенія инородцевъ воевода посылалъ въ ясачныя волости боярскаго сына Степана Гречанина.

По увѣреніямъ князя, Пущинъ возбуждалъ противъ него инородцевъ по наущенью Бунакова и Бориса Патрекѣева. Дьякъ, «хотя кн. Осипа погубить, призывалъ къ себѣ въ домъ Чацкихъ мурзъ и татаръ Отеменя Тарладова съ говарищи многажды, и поилъ ихъ у себя довольно, и имъ говорилъ и на то приводилъ, чтобъ они, мурзы и татарове, на кн. Осипа посягнули и государю били челомъ съ Ѳ. Пущинымъ вмѣстѣ». Но они, «не прельстясь ни на какую его Борисову ласку, ему Борису и людямъ его (участвовавшимъ въ переговорахъ—Григорью Артамонову съ товарищи) отказали»...

Для составленія своихъ «затѣйныхъ челобитныхъ» на кн. Щербатаго, Пущинъ и подьячіе Тимофѣй Мещериновъ и Тимофѣй Ѳедоровъ, «по ночамъ пріѣзжали» къ Бунакову и Патрекѣеву, гдѣ «складывали» челобитныя, заставляя подписывать ихъ «многихъ всякихъ чиновъ людей», а кто отказывался—тѣхъ «били ослопьемъ и съ большимъ пристрастіемъ», подписавшимъ же Бунаковъ выдавалъ за 2 года впередъ «полные оклады» ихъ годоваго жалованья. «Въ подмогу» челобитчикамъ онъ занималъ деньги у церковныхъ старостъ—у Воскресенскаго старосты Игнатія Петлина взялъ 40 р., у Богоявленскаго 30 р., у Троицкаго 60 р. и у Благовѣщенскаго 40 р.

1 мая 156 г. дьякъ Борисъ Патрекѣевъ велѣлъ Воскресенскому попу Пантелеймону «послѣ вечерни, отставя повечерню (т. е. повечеріе), для своихъ именинъ молебенъ пѣть». Попъ отпѣлъ молебенъ. Архіепископскій «десятильникъ» боярскій сынъ Иванъ Коряковской замѣтилъ попу и дьяку, что «они то дѣлаютъ *не въ чинъ:* простымъ людямъ молебны не поются послѣ вечерни, отставя повечерню, а поются (такъ) молебны на государевъ ангелъ и на господскіе праздники, и то-де Борисъ затѣваетъ не свойскую мѣру»... Десятильникъ заявилъ

тоже прихожанамъ той церкви и кн. Щербатому, къ которому прибѣжалъ спрятаться отъ «людей» дьяка, хотѣвшихъ его убить за этотъ протестъ.

Вообще, сторонники Бунакова и Патрекѣева били и всячески преслѣдовали сторонниковъ кн. Щербатаго, которые стали прятаться, оставляя послѣдняго безъ поддержки. Пущинъ съ товарищи разграбили дома боярскаго сына Петра *Сабанскаго,* коннаго казака Василья Балахнина и др.

Съ Б. Патрекѣевымъ пріѣхалъ въ Томскъ его шуринъ кн. Михаилъ *Вяземской.* Оба они занялись «винной продажей» и «торгомъ» въ ясачныхъ волостяхъ, куда ѣздилъ князь. Винной продажей занимался и Бунаковъ чрезъ своего племянника Кирилла Савина Бунакова. Ни послѣдній, ни кн. Вяземской не представили воеводѣ ни «государевыхъ грамотъ» о службѣ въ Томскѣ, ни «проѣзжихъ грамотъ», т. е. пріѣхали «самовольствомъ»... Вино, которымъ торговалъ кн. Вяземской, доставляли ему «съ Руси» люди Патрекѣева.

Въ 156 г., на молебенъ въ день ангела царевны Ирины Михайловны Бунаковъ и Патрекѣевъ опоздали, причемъ дьякъ около церкви за что-то избилъ до крови подьячаго съѣзжей избы Кирилла Якимова (за замѣчаніе объ опозданіи?..), а войдя въ церковь и, «не умывъ рукъ, кровавыми руками принялъ праздничную чашу и пилъ»...

Дьякъ изъ-за «посуловъ» ставитъ многихъ «гулящихъ людей» въ «пѣшіе казаки» и т. п.

Кн. Щербатой запрещаетъ крестьянамъ выдавать ихъ дочерей и родственницъ за казаковъ и др. служилыхъ людей, чтобы «холостыхъ крестьянъ жеребей не запустѣлъ, а тѣхъ-де государевыхъ крестьянъ половина холостыхъ, а никто за нихъ дочерей дать не хочетъ». Но Бунаковъ и Патрекѣевъ разрѣшали крестьянамъ выдавать дочерей и др. за казаковъ и казачьихъ дѣтей, вслѣдствіе чего крестьянскіе «жеребьи пусты будутъ», такъ какъ многіе крестьяне стары, а молодые остаются безъ женъ.

Ссыльныхъ людей, присланныхъ на пашню, но незаконно повертанныхъ въ службу, кн. Щербатой, по примѣру Тобольска и на основаніи государева указа, снова вернулъ въ пашню, вслѣдствіе чего «ссыльные люди взволновались и хотятъ кн. Осипа убить, и *посадили его взаперти,* стакався съ вѣдомыми ворами» Подрѣзомъ-Плещеевымъ, Ѳ. Пущинымъ и др.

б) Столбецъ № 466.

Томскіе «сыски» письменнаго головы Степана Скворцова и подьячаго Петра Ерохина, 160 года [1]):

«Розыскныя рѣчи», снятыя 16 февраля сыщиками «на съѣзжемъ дворѣ» въ Томскѣ съ «жилецкихъ и оброчныхъ людей» Семена Бѣлокопыта и др. (7 человѣкъ): всѣ они рѣшили ничего «не сказывать» про смуту и раздоры кн. Щербатаго съ товарищами, такъ какъ-де по этому дѣлу они (розыскные люди) послали въ Москву «своихъ челобитчиковъ» и, когда тѣ вернутся и скажутъ—«кому государь укажетъ сыскивать, и они (тогда) къ сыску готовы, а до (возвращенія) челобитчиковъ имъ *къ сыску не хаживать*»...

Такія же «*отказныя скаски*» заявили сыщикамъ и остальныя группы розыскныхъ людей — жилецкіе и оброчные люди (Кондратъ Анисимовъ, Семенъ Шалай и др.), духовные, служилые и др. Многіе (Духовской попъ Меркурій *Леонтьевъ* и др.) заявляли, что они уже «сказывали» на предыдущемъ сыскѣ Томскихъ воеводъ Михаила *Волынскаго* и Богдана *Коковинскаго* и «противъ прежнихъ своихъ рѣчей сказывать въ другой рядъ нечего и неупомнятъ»... Казаки къ тому добавляли, что не станутъ давать сыщикамъ показаній, «покамѣстъ ихъ челобитчики съ Москвы въ Томской будутъ»...

Видя такую общую и упорную уклончивость отъ дачи показаній по главному вопросу о бунтѣ, сыщики перешли къ разслѣдованію побочныхъ обстоятельствъ бунта и тутъ заставили томчанъ разговориться не только по этимъ частнымъ вопросамъ, но и по существенному предмету сыска. Особенно цѣнныя данныя получены при розыскѣ Скворцова и Ерохина по челобитнымъ боярскихъ дѣтей Юрія *Тупальскаго* и Петра *Сабанскаго* съ товарищи на Григорья *Плещеева-Подрѣза*.

Розыскные люди обстоятельно показывали о многочисленныхъ воровствахъ Плещеева, какъ онъ разныя «обиды чинилъ градскимъ людямъ» въ Томскѣ и Кузнецкѣ (куда сосланъ въ 153 г.), курилъ вино, табакъ продавалъ, ложно «извѣщалъ» на Кузнецкаго воеводу Афанасья *Зубова* въ «государевѣ дѣлѣ» и пр. По челобитьямъ кузнечанъ Плещеева перевели въ 156 г. снова въ Томскъ, гдѣ наказали батогами и т. д. За новыя «воровства» томчане просили «вывесть» изъ Томска Плещеева и его «совѣтниковъ» Ѳедора *Пущина*, Василья *Ергольскаго*, Михаила *Ярощкаго* съ товарищи. Вызванный кн Щербатымъ въ съѣз-

[1]) Безъ начала.

жую избу, Плещеевъ хотѣлъ зарѣзать князя, но его удержали и посадили въ тюрьму.

9 апрѣля 156 г. явился въ съѣзжую избу «тюремной *дворской*» боярскій сынъ Трифонъ Татариновъ и заявилъ князю, что Плещеевъ объявилъ за собою «государево дѣло». Въ тоже время подошли къ избѣ около 40 «совѣтниковъ» Плещеева. Кн. Щербатой, «узнавъ, что то дѣло у него (Плещеева) заводное», собралъ къ себѣ на помощь своихъ сторонниковъ изъ служилыхъ (П. Сабанскаго съ товарищи) и посадскихъ людей, также пріѣзжихъ служилыхъ людей изъ Сургута, Енисейска и др.

Посланные въ тюрьму подьячіе вернулись съ отказомъ Плещеева передать имъ заявленное «государево дѣло» и съ требованіемъ вызова его въ съѣзжую избу. О томъ же кричали передъ избою сторонники Плещеева... Князь позвалъ въ избу Семена *Паламошнаго* и Ѳедора Баранина, спрашивая ихъ: «только Григорья Плещеева-Подрѣза взять въ съѣзжую избу—не будетъ ли какова дурна?..» Тѣ вышли, посовѣтовались съ сторонниками Плещеева Вас. *Мухосраномъ* и Степ. *Володимерцомъ* съ товарищи, и отъ ихъ имени ручались воеводѣ, что «отъ нихъ *крови не будетъ*, а Гр. Плещеева роспросить, а роспрося, въ тюрьму посадить»...

Князь послалъ за Плещеевымъ Сабанскаго. Явившись въ съѣзжую избу, Плещеевъ закричалъ, что «вѣдаетъ» на князя и на «совѣтниковъ» его «государево великое царственное дѣло», но какое именно—снова не объявилъ.

«Совѣтники» Плещеева Ѳ. Пущинъ, В. Мухосранъ и др. стали «бить ослопьемъ» и розгонять сторонниковъ кн. Щербатаго, затѣмъ ворвались въ съѣзжую избу и—«отъ съѣзжей избы и отъ государевыхъ дѣлъ *отказали*» князю «и сидѣть ему въ съѣзжей избѣ не велѣли»... Князь пошелъ «къ себѣ на дворъ», къ которому бунтовщики, «по совѣту» Бунакова и Патрекѣева, приставили 20 караульныхъ и никому къ князю «ходить не велѣли»...

Толпа продолжала шумѣть около съѣзжей избы. С. Паламошной и Ѳ. Баранинъ стали допрашивать Плещеева, а его рѣчи записывалъ пѣшій казакъ Артемъ Чечюевъ. Это происходило передъ избою, затѣмъ Бунаковъ и Патрекѣевъ допрашивали его въ избѣ, а послѣ допроса разрѣшили ему жить на своемъ дворѣ. Въ тотъ же день они посылали къ Плещееву «съ кормомъ, съ виномъ и съ ѣствою».

На другой день начались у Пущина съ товарищи «*воровскіе круги*», на которыхъ бунтовщики «*приговорили*, что имъ *подъ свою руку всѣхъ привесть* въ Томскомъ городѣ всякого чину людей, чтобъ написать

челобитную вновь» на кн. Щербатаго и въ ней заявить, что прежняя челобитная (о высылкѣ изъ Томска Плещеева, Пущина и др.) подписана ими «въ неволю»...

Бунтовщики, «съ докладу» Бунакову и Патрекѣеву, посылали по 30—40 человѣкъ въ дома сторонниковъ Щербатаго и насильно ихъ «въ свои воровскіе круги приводили, и ослопьемъ били, и за бороды драли, и на площадь вывезчи — по грези и по лужамъ волочили, и пересажать въ воду (т. е. утопить) хотѣли», требуя, чтобы тѣ приносили въ круги «повинныя челобитныя, за руками»... Многіе исполнили это требованіе «воровскаго» міра.

Особенно жестоко избили въ кругу Юрія Тупальскаго, его сына Луку, Дмитрія Бѣлкина и др. Бунаковъ посадилъ ихъ затѣмъ въ тюрьму, поручивши особенному надзору «дворскаго» М. Яроцкаго, приставивши 20 караульныхъ. Опасаясь сношеній тюремныхъ сидѣльцевъ съ кн. Щербатымъ, караульные «всякую ѣству печеную», какую тѣмъ приносили домашніе, «въ куски розрѣзывали», ища записокъ. Въ тюрьмѣ не давали имъ воды и на ночь запирали, «чтобъ ихъ уморить, чтобъ они *съ духу* и безъ воды померли»... Но заключенные спаслись тѣмъ, что тайно «воду покупали».

Къ Плещееву ежедневно люди дьяка Патрекѣева приносили вино и ѣству, и «съ нимъ *думали*»...

Печать кн. Щербатаго на зелейномъ погребѣ Бунаковъ срѣзалъ и запечаталъ своею. Всѣ государевы дѣла изъ съѣзжей избы перевезены на дворъ казака Девятки *Халдья*.

Всѣхъ сторонниковъ князя не могли посадить въ тюрьму и стали дома ихъ грабить, причемъ людей били, «женъ позорили» и пр., «всякого вневолю къ себѣ *въ воровскую мысль* приводили» и написали на кн. Щербатаго и его сторонниковъ «составную ложную челобитную», для чего Пущинъ съ товарищи и «*ихъ подьячіе*» Тимофѣй Мещеренинъ и Тимофѣй Хромой приходили «думать» къ Бунакову и Патрекѣеву. У послѣднихъ «безвыходно жили» Пущинъ, Володимерецъ и Мухосранъ. Они же постоянно «на докладъ ходили» къ Плещееву. Составивши эту челобитную, бунтовщики заставляли поповъ, жилецкихъ и служилыхъ людей подписывать ее «въ неволю», а другихъ «за очи писали», приневоливая къ тому же Чацкихъ татаръ и Обскихъ остяковъ, но тѣ и другіе инородцы «отказали».

Съ разрѣшенія Бунакова и Патрекѣева бунтовщики посылали многихъ челобитчиковъ въ Москву. Еще въ 152 г. воеводскій товарищъ Андрей *Молвяниновъ* (предшественникъ Бунакова) и дьякъ Борисъ Патрекѣевъ отпустили челобитчикомъ въ Москву Нефеда («а

прозвище *Θедотка*») Лучанина, который изъ Москвы ходилъ «*за рубежъ*, въ Литву», откуда затѣмъ вернулся въ Москву...

Всѣ эти подробности о бунтѣ взяты сыщиками изъ челобитной на Плещеева, поданной Ю. Тупальскимъ и П. Сабанскимъ съ товарищи. На розыскѣ по этой челобитной монахи *Казанскаго* монастыря (въ Томскомъ уѣздѣ) чернецъ Варлаамъ съ братіей (7 человѣкъ) сказали, что знали о посылкѣ въ Москву челобитчиковъ на князя, но «про иныя статьи» челобитной «ничего не вѣдаютъ, потому что живутъ въ монастырѣ, а въ городъ они пріѣзжаютъ временемъ»...

Показанія поповъ, служилыхъ, жилецкихъ и ясачныхъ людей— всѣ направлены противъ Плещеева, напр. Богоявленскій попъ Сидоръ *Лазаревъ* сказалъ: тотчасъ по пріѣздѣ въ Томскъ Плещеевъ «на лошадяхъ днемъ и ночью по улицамъ ѣздилъ, и многихъ Томскихъ всякого чину людей, и женъ, и дочерей ихъ всякою воровскою поганою лаею лаялъ, и *конями таптывалъ*, и *собаками травливалъ*, и *саблею рубилъ*» и т. п. Распросные люди подтверждали показанія челобитной о роли Плещеева въ Томскихъ смутахъ и пр. О самомъ бунтѣ они сообщали кое-какія новыя подробности, но не существенныя.

Розыскъ Скворцова и Ерохина о Θедорѣ *Пущинѣ* съ товарищи, которые въ челобитной на кн. Щербатаго «многихъ Томскихъ всякихъ чиновъ людей писали *за очи*», а другихъ приневоливали подписывать, наказывая сопротивлявшихся «ослопьемъ и смертнымъ убойствомъ»:

Нѣкоторые розыскные люди показали, что соглашались жаловаться на Щербатаго только за «городовое дѣло», на которое вычитались деньги изъ ихъ «окладовъ», а «иныхъ статей» челобитной на князя «писать не велѣли»... Челобитную же на Плещеева подавали и подписывали «волею, а не въ неволю»...

Но многіе причастные къ дѣлу были въ отсутствіи изъ Томска, а другіе «*въ сыску отказали*» и къ сыщикамъ на съѣзжій дворъ «не пришли»... «Скаски» давшихъ показанія — однѣ говорятъ объ «угрозахъ» при подписаніи челобитной, другія «не вѣдаютъ» ничего, нѣкоторыя отвергаютъ угрозы и приневоливаніе.

Розыскъ, начатый въ декабрѣ 160 г., Тобольскихъ письменнаго головы Степана Львова Скворцова и подьячаго Петра Ерохина о тѣхъ розыскныхъ людяхъ, которые «государеву указу учинились *ослушны* и *къ сыску не пошли*», такъ какъ-де въ 158 г. уже «сказывали» на розыскѣ Томскихъ воеводъ, «а вамъ-де, Степану и Петру, противъ тѣхъ рѣчей *сказывать въ другой рядъ нечево*»...

На розыскѣ объ этомъ ослушаніи, большинство отвѣчало въ такомъ родѣ: «потому-де нынѣ противъ государева указу не сказываетъ,

опасаясь того, чтобъ ему *съ прежними* своими *рѣчьми* въ чемъ *не рознится*»... Сыщики объясняли, что они «не спрашиваютъ» о сыскѣ 158 года, но розыскные люди продолжали стоять на своемъ отказѣ отъ дачи показаній о бунтѣ, несмотря на напоминанія сыщиковъ о «крестномъ цѣлованьѣ» и «государевѣ указѣ»... Многіе прямо выражались, что «въ другой рядъ сказывать нечево *и не хотимъ*»... Другіе ждали результатовъ челобитья ихъ на Москвѣ—«противъ первыхъ нашихъ рѣчей что государь укажетъ»...

Однихъ ясачныхъ людей, Томскихъ бухарцовъ и нѣкоторыхъ жилецкихъ людей (преимущественно крестьянъ) сыщики заставили дать показанія, но въ послѣднихъ ничего существеннаго нѣтъ.

Розыскъ по этому предмету смѣшанъ съ предыдущими и нѣсколькими новыми сысками—1) по челобитной промышленныхъ людей Ивана и Архипа Яковлевыхъ съ товарищи на злоупотребленія Ѳ. Пущина съ товарищи, 2) о томъ, что П. Сабанской съ товарищи, сидя въ тюрьмѣ, держали при себѣ «топоры, да ножи, да веревки», 3) о 2 «ящикахъ съ государевыми дѣлами и печатью», взятыхъ кн. Щербатымъ изъ съѣзжей избы на свой воеводскій дворъ—и др. По всѣмъ этимъ частнымъ сыскамъ розыскные люди охотно давали отвѣты сыщикамъ.

Розыскъ о дьякѣ Борисѣ *Патрекѣевѣ*, который, находясь въ Томскѣ съ 14 сентября 153 г., «приходныхъ и росходныхъ книгъ и смѣтныхъ списковъ своею рукою *не закрѣплялъ*» и, «стакався» съ подьячими съѣзжей избы Захаромъ Давыдовымъ и Кириломъ Екимовымъ, «многою государевою казною *корыстовался*, деньги и хлѣбъ къ себѣ таясь ималъ», о чемъ кн. Щербатой долго «не вѣдалъ», а когда узналъ и сталъ останавливать дьяка, успѣха не имѣлъ...

Изъ розыска оказалось, что Патрекѣевъ и шуринъ его кн Михаилъ *Вяземской* (см. выше) торговали въ Томскѣ виномъ, пивомъ, медомъ, табакомъ, а «люди» дьяка Гр. Артемоновъ и др. ѣздили въ Енисейскъ и Красноярскъ для торговли скотомъ и «заповѣдными товарами».

Когда воевода узналъ объ этихъ «блудняхъ» Патрекѣева, дьякъ сошелся съ Бунаковымъ и Пущинымъ, которые подговорили «корчемника и вора» Подрѣза-Плещеева «сказать» на кн. Щербатаго «государево царственное дѣло», затѣмъ ихъ «совѣтники» князю «отказали» отъ воеводства и т. д.

Когда пріѣхалъ въ Томскъ новый дьякъ Михаилъ *Ключаревъ*, на смѣну Патрекѣева, Бунаковъ вопреки обычаю не встрѣтилъ его «за острогомъ», а звалъ его на свой «воровской съѣзжій дворъ»... Ключаревъ отказался туда ѣхать и трижды посылалъ казачьяго голову

Зиновья Литосова и боярскаго сына Степана Моклокова къ Бунакову, чтобы тотъ «велѣлъ отпереть и *роспечатать* съѣзжую избу и *сѣлъ* (въ избѣ) съ кн. Оспиомъ и съ нимъ Михапломъ»... Но Бунаковъ не исполнилъ этого законнаго требованія новаго дьяка. Въ слѣдующіе два дня Ключаревъ много разъ посылалъ къ Бунакову съ тѣмъ же требованіемъ, наконецъ самъ поѣхалъ къ нему съ государевою грамотою о своемъ назначеніи, звалъ его въ «розрядную избу», чтобы онъ пріѣхалъ съ кн. Щербатымъ «припять» отъ дьяка грамоту, но Бунаковъ «отказалъ» — самъ не поѣхалъ и съѣзжей избы не отперъ... Вмѣсто того Бунаковъ послалъ къ Мих. Ключареву своимъ «совѣтниковъ» Юрья Ядловскаго, Вас. Ергольскаго, Тимофѣя Хромова и др., которые «Михайлѣ отъ государевыхъ дѣлъ *отказали*», причемъ посланные вели себя «съ шумомъ, и съ крикомъ, и съ невѣжествомъ», Щербатаго и Ключарева «лаяли» и проч.

Ключаревъ обратился къ противной партіи — къ боярскимъ дѣтямъ Юрью Тупальскому, Матвѣю Хозинскому, Дм. Копылову и др., съ вопросомъ, «что они ему Михайлѣ отказываютъ?..» Тѣ отвѣчали, «что они ему не отказываютъ, потому что онъ присланъ отъ государя, а они государеву указу не противны»... За эти рѣчи сторонники Бунакова—Андрей Щербакъ, Остапъ Ляпа, Тим. Хромой и др. «*влежачь* били» Тупальскаго, а остальныхъ разогнали.

На другой день Илья Бунаковъ послалъ къ Ключареву «своихъ друзей» Ергольскаго и др., съ такимъ заявленіемъ: «только онъ Михайло не поѣдетъ къ Ильѣ *на казачей дворъ*, и ему подьячихъ и деньщиковъ не дадутъ, и дѣла ему до градскихъ людей нѣтъ»...

Ключаревъ «отказалъ, что итти ему къ Ильѣ *на его съѣзжій дворъ* мимо государевы съѣзжіе избы нельзя, да и потому, что подалъ на него Илью изъ тюрьмы» подьячій Василій Чебычаковъ «въ великихъ государевыхъ дѣлахъ, и въ словѣ, и *въ измѣнѣ* извѣтную челобитную»...

Бунаковъ снова послалъ къ дьяку своихъ друзей, которые вторично «ото всего ему отказали», требуя выдачи государевой грамоты. Но Ключаревъ подлинную грамоту отдалъ кн. Щербатому, а списокъ обѣщалъ предъявить Бунакову «въ государевой розрядной избѣ».

Когда были посажены въ тюрьму сторонники кн. Щербатаго, то дьякъ Патрекѣевъ «къ тюрьмѣ женъ и дѣтей и людей ихъ съ милостынею не припускалъ, и *въ міръ съ кузовьемъ* для (сбора) милостыни, и въ домы, и въ мыльни не отпускалъ»...

Около этого времени Борисъ Патрекѣевъ «*злою смертію отъ* шурина своего отъ кн. Мих. *Вяземского* и отъ людей своихъ отъ Гришки Артемонова съ товарищи умеръ» въ Томскѣ.

23 сентября Бунаковъ послалъ своего «деньщика» Дм. Мѣшкова по улицамъ и «на торгу кликать велѣлъ, чтобъ всякіе люди Нарымскому воеводѣ Афанасью *Нарбекову* и Нарымскимъ служилымъ людямъ никакого хлѣба и огородныхъ овощей и никакихъ запасовъ не продавали»... (Не былъ ли вызванъ въ Томскъ Нарбековъ съ отрядомъ, для поддержки кн. Щербатаго?..).

Когда Бунаковъ «сидѣлъ» на казачьемъ дворѣ Девятки *Халдѣева*, то «всякіе росправные дѣла межъ градскихъ людей чинилъ»...

Попъ Сидоръ Лазаревъ показалъ, что «Борисъ Патрекѣевъ передъ смертью *збрелъ съ ума* и оттого умеръ»...

Послѣ его смерти кн. Щербатой не велѣлъ отпускать въ Москву жены, шурина и людей Патрекѣева, «для отчоту государевой казны», но Бунаковъ ихъ отпустилъ «за посулъ», «не дождався государева указу», причемъ посылалъ своихъ людей «являть» по церквамъ и посаду, что онъ отпускаетъ въ Москву семью Патрекѣева.

12 іюля, въ Троицкомъ соборѣ на обѣднѣ и панихидѣ по царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ былъ кн. Щербатой, къ которому затѣмъ пошли попы и служилые люди «вина пить» (поминальную чашу). Когда возвращались отъ него казаки Антонъ Паламошной и Василій Поповъ и казачій сынъ Василій Шумиловъ, ихъ подстерегли у городскихъ воротъ «совѣтники» Бунакова, избили «ослопьемъ» и посадили на съѣзжемъ дворѣ скованными. На другой день, по приказу Бунакова, ихъ били «нещадно» кнутомъ на козлѣ.

Также жестоко былъ избитъ приведенный изъ тюрьмы подьячій Вас. Чебычаковъ, подавшій «извѣтъ» на Бунакова. Подьячій протестовалъ: такъ какъ-де онъ «сказываетъ» на Бунакова «государевы дѣла и *измѣну* и государево слово, и ему бить его *нельзя*»... Бунаковъ велѣлъ бить его еще сильнѣе, крича палачу «чтобъ кнутъ перемѣнилъ и билъ гораздо, на смерть»... Несчастному подьячему дали 200 ударовъ.

Въ это же время Скворцовъ и Ерохинъ дѣлали *розыскъ* о злоупотребленіяхъ вообще кн. Щербатаго и Бунакова (по доносамъ ихъ другъ на друга). Многіе розыскные люди показали, что кн. Щербатой ни у кого не отнималъ «калмыцкихъ торговъ» (въ чемъ, какъ и въ остальномъ, обвинялъ его Бунаковъ), но покупалъ лошадей и на Русь посылалъ съ сыномъ «про домашній обиходъ — для роботы, а скотъ всякой на ѣжу»...

На своемъ дворѣ князь, дѣйствительно, «*для прохладу* (т. е. для развлеченія) стрѣлялъ», но «стѣнъ не сѣкалъ»...

Свидѣтели «не вѣдаютъ», чтобы онъ чрезъ своихъ людей отнималъ часть добычи у промышленныхъ людей, но «добровольно, а не

въ неволю» участвовалъ въ ихъ промыслахъ, или же посылалъ своихъ людей отдѣльно «въ дикія мѣста, а не въ урочища рускихъ людей и ясачныхъ татаръ и остяковъ».

«Ясырь» отъ служилыхъ людей, бывшихъ въ калмыцкомъ походѣ, князь получилъ, но «впочесть».

Били челомъ на князя ясачные люди, что онъ «женамъ ихъ *позорства* чинилъ, и на постелю женъ ихъ и дочерей къ себѣ сильно ималъ», но это на розыскѣ не подтвердилось.

Обвиняли также его жену княгиню *Ефимью* и сына кн. *Константина*, что они, ѣдучи въ Томскъ, «многихъ ясачныхъ людей били» и пр. Но и это отвергли какъ ясачные люди, такъ и остяцкій толмачь казакъ Иванъ *Жадная-Брага*.

Розыскъ по челобитной на князя жилецкихъ и оброчныхъ людей Петра и Ивана *Старцовыхъ*, бившихъ челомъ «*во всѣхъ людей* мѣсто». Они обвиняли князя, что онъ отнималъ у нихъ звѣриныя и рыбныя ловли, посылая туда своихъ людей, или же бралъ взятки съ частныхъ промысловъ... Вмѣстѣ съ крестьянами челобитчики «ставили дворъ» князю...

Съ нихъ же онъ бралъ деньги на «городовое дѣло», хотя оно велось на средства государевой казны. За неплатежъ этихъ денегъ держалъ ихъ «на правежѣ» въ крещенскіе морозы, такъ что «у многихъ ноги перезнобились». Чтобы добыть эти деньги, многіе «*женъ* и *дѣтей* и дворишка *закладывали*», а «иные *по міру съ блюдомъ* ходили» и проч.

Въ розыскѣ по этой челобитной большинство показало, что ничего «не вѣдаетъ», другіе подтверждали нѣкоторыя обвиненія и почти всѣ согласно утверждали, что деньги на городовое дѣло имались съ жилецкихъ людей правежомъ, но не такимъ жестокимъ, какъ говоритъ челобитная, и притомъ, имались «*по совѣту* Томскихъ градскихъ всякихъ чиновъ людей»... О закладѣ женъ и пр. «не вѣдаютъ»...

Василій *Губа* и еще нѣкоторые жилецкіе люди заявили, что челобитной Старцовыхъ съ товарищи «они не писывали и писать никому не приказывали», такъ какъ имъ никакихъ «обидъ» отъ князя «не бывало»... Дворъ ему они ставили, но никакихъ притѣсненій тутъ не было. Деньги на городовое дѣло съ нихъ «правили рядовымъ правежемъ», но «босыхъ» на правежѣ не видѣли и никого тамъ не били...

Нѣкоторые отказались говорить объ этомъ сборѣ, такъ какъ-де они «*въ мірской службѣ* не бывали»...

На разныя работы для кн. Щербатаго «имали гулящихъ людей, а жилецкихъ людей не имали»...

Когда жилецкіе люди и крестьяне строили государеву мельницу подъ Томскомъ, то мірскіе сборщики собрали съ нихъ около 60 р., чтобы «ударить челомъ» князю, но дошли ли до него эти деньги—осталось невыясненнымъ...

Розыскъ по челобитной на князя пашенныхъ крестьянъ Нефеда *Вязмитина «во всѣхъ* пашенныхъ крестьянъ мѣсто»: князь «чинилъ всякія обиды—калмыцкіе торги у нихъ отнялъ и на себя торговалъ»... До князя пахали они «государеву десятинную пашню», считая десятину въ 60 саж. длины и 30 саж. поперегъ, а при немъ десятина стала въ 90 саж. длины и 40 саж. поперегъ...

«Совѣтникъ» князя, прикащикъ пашенныхъ крестьянъ Василій *Старковъ* потребовалъ съ нихъ для князя 300 р., для уплаты коихъ они «закладывали женъ и дѣтей» и продавали скотъ... Старковъ привезъ «сажень въ 4 аршина» и ею отмѣривалъ десятинную пашню...

Въ 155 г. они посѣяли «про свою нужу по четверику и по полуосминѣ хлѣба», а Старковъ этотъ хлѣбъ «у нихъ отнялъ» и крестьяне совсѣмъ «обнищали». Подали о томъ челобитную князю, но онъ ее «изодралъ», избилъ челобитчиковъ и въ Москву ихъ не отпустилъ, говоря: «*я и самъ не Москва ли*?!.».

Крестьяне строили воеводскій дворъ, мельницу, для князя «каменье ломали, пруды прудили», лѣсъ рубили и проч., въ лѣтнюю рабочую пору, такъ что на себя не могли работать. Князю подражали его «совѣтники» и тянули съ крестьянъ что возможно... Заняты они были и «городовымъ дѣломъ», на которое имали съ нихъ деньги жестокимъ правежомъ, когда приходилось имъ «закладывать» своихъ женъ и дѣтей, «по міру съ блюдомъ ходить и *на Христово имя просить*»... Собрали они и заплатили «городовыхъ денегъ» 102 рубля.

Розыскъ подтвердилъ, что при кн. Щербатомъ размѣръ «государевыхъ десятинъ» былъ увеличенъ... Злоупотребленія Старкова большинство подтверждало, но участіе въ нихъ князя не было выяснено... Правежъ «городовыхъ денегъ» не былъ такимъ жестокимъ, какъ говоритъ челобитная... О «калмыцкихъ торгахъ» и проч. отвергаютъ.

Но всѣ крестьяне подтвердили, что съ нихъ собирали деньги въ «посулъ» кн. Щербатому и часть этихъ денегъ была вручена его «людямъ»...

Столбецъ оканчивается розыскомъ о разныхъ злоупотребленіяхъ *Бунакова:* объ употребленіи имъ на своихъ «поварняхъ» государева «стараго острожнаго лѣса»,—о «пыткѣ» имъ коннаго казака Луки Пичугина, который составлялъ «воровскую челобитную» на «совѣтниковъ» Бунакова и проч.

в) Столбецъ № 469.

«Очная ставка» кн. Щербатаго съ Бунаковымъ въ Сибирскомъ приказѣ, 160 года [1]):

Показаніе Ильи Бунакова (начала столбца не сохранилось):

Подьячаго Михаила *Сартакова* онъ билъ за то, что «въ съѣзжую избу приходилъ пьянъ и государевыхъ дѣлъ не дѣлалъ, и умеръ-де онъ не отъ тѣхъ его побой», какъ онъ ложно говоритъ въ своей «духовной» (отрывокъ ея приложенъ къ дѣлу).

Подьячаго Василья *Чебычакова* онъ билъ за то, что тотъ избилъ служилыхъ людей на «городскомъ караулѣ» и «тюрьму хотѣлъ розломать, по кн. Осипову *напою*»... За это же дѣло билъ онъ батогами пятидесятника Ѳилона *Клементьева*, казаковъ Антона *Паламошнаго*, Василья *Попова* и др.

Отъ подьячаго Макара *Колмогорца* онъ не слыхалъ такихъ словъ, «что онъ Илья *хочетъ Сибирью завладѣть также*, какъ и Никоноръ *Шульгинъ* [2]) завладѣлъ Казанью»...

Коннаго казака *Немира Попова* билъ «за *градскую смуту*, что онъ свою братью побивалъ и къ его двору приступомъ приступалъ», вмѣстѣ съ другими подьячими и служилыми людьми, при участіи Благовѣщенскаго попа *Бориса*... Приступавшіе «убить его хотѣли—съ ножами ходили»...

«Да кн. Осипъ Щербатой допрашиванъ: какія *неприложія слова* про государевы грамоты Илья говорилъ»?

«И кн. Осипъ сказалъ»: когда присылались въ Томскъ государевы грамоты, Бунаковъ «отымалъ» ихъ у гонцовъ и читалъ «въ своихъ *воровскихъ кругахъ*». Когда пришла грамота о томъ, чтобы «кн. Осипу съ товарищи *сидѣть всѣмъ вмѣстѣ* въ съѣзжей избѣ попрежнему», Бунаковъ грамоты «не послушалъ» и съ своими «совѣтниками» называлъ государевы грамоты «*воровскими*»... Послѣ этого кн. Щербатаго «въ городѣ *заперли*»...

Бунаковъ отвѣчалъ: «государевы грамоты воровскими не называлъ, и естьли будетъ онъ и грамоты называлъ воровскими—вели государь ему языкъ вырѣзать»...

Щербатой: Калмыцкій князь *Кока Абаковъ* прислалъ Бунакову какое-то «составное письмо», которое онъ переслалъ въ Москву...

---

[1]) См. *А. Н. Зерцалова* «Къ исторіи мятежа 1648 г.», сс. IV, 33—36.

[2]) Дьякъ Смутнаго времени—см. *Соловьева*, II, 1013, 1053, 1054.

Бунаковъ: писалъ онъ Кокѣ «о вѣстяхъ», а въ Москву переслалъ его отвѣтное «письмо» и «статейный списокъ» посольства къ нему. Этотъ отвѣтъ Коки, по просьбѣ «градскихъ людей», читался имъ вслухъ на паперти Воскресенской церкви, для сообщенія «воинскихъ вѣстей»...

«А *не сидѣлъ*-де онъ Илья съ кн. Осипомъ у государева дѣла для его *измѣны*, что онъ кн. Осипъ *списывается* съ Калмыцкими тайшами»...

Кн. Щербатой просилъ подробнѣе допросить Бунакова объ этихъ сношеніяхъ...

Бунаковъ заявилъ, что подробностей не знаетъ, такъ какъ то «дѣло дѣлалось до него Ильи», но представилъ (начальнымъ людямъ Сибирскаго приказа кн. А. Н. *Трубецкому* и дьяку Григ. *Протопопову*, разбиравшимъ это дѣло) «статейной списокъ» посольства къ кн. Кокѣ казака Немира *Попова*, гдѣ «все объявилось»...

Слѣдуетъ «статейной списокъ», поданный 25 февраля 157 г. Ильѣ Никитичу Бунакову вернувшимися «изъ Бѣлыхъ Колмаковъ отъ князца Коки Абакова» казаками Немиромъ Екимовымъ (онъ же Поповъ) съ товарищи.

Статейной списокъ передаетъ со словъ Коки, что въ 155 г. ему доставили писанное по-калмыцки «письмо» кн. Щербатаго къ *Контайшѣ*, которому князь предлагаетъ «*воевать* его кн. Коку и улусныхъ его людей, а онъ-де кн. Осипъ» съ своей стороны пошлетъ противъ Коки отрядъ томскихъ ратныхъ людей...

Къ кн. Щербатому еще относились слѣдующія слова Коки Немиру Попову: «какой-де у васъ такой былъ воевода кн. О. Щербатой! у котораго-де казака увидитъ онъ коня доброго—и онъ-де у него того коня и отойметъ, или-де у кого увидитъ жену добру—и онъ-де къ себѣ емлетъ»...

Кн. Щербатой замѣтилъ, что ни о какой его «измѣнѣ» нѣтъ и рѣчи въ этомъ «статейномъ спискѣ»... Притомъ же онъ вѣдалъ порубежныя дѣла и велъ сношенія съ зарубежными владѣтелями не единолично — «на посольскомъ дворѣ онъ кн. Осипъ одинъ не сиживалъ: бывали съ нимъ товарищи его, и служилые многіе люди, и подьячіе, и толмачи». Самъ же онъ не могъ, если бы и хотѣлъ, переписываться съ калмыцкими тайшами по незнанію языка...

Затѣмъ князь сослался на извѣстный [1]), «затѣйно» составленный «совѣтникомъ» Бунакова казачьимъ десятникомъ Васильемъ *Бурнашо-*

---

[1]) См. особое розыскное дѣло объ этомъ «статейномъ спискѣ» въ «Обозр. Сиб. пр.», I, 188, 189, 214, 366, 367.

вымъ «статейной списокъ» посольства его къ князцу Кокѣ. По ложнымъ показаніямъ этого документа, направленнымъ противъ кн. Осипа, «Кока его кн. Осипа *очистилъ*», для чего послѣдній посылалъ къ нему особое посольство [1]).

Щербатой обвиняетъ Бунакова въ незаконномъ верстаньѣ въ конные и пѣшіе казаки посадскихъ и гулящихъ людей, пашенныхъ и оброчныхъ крестьянъ, ихъ дѣтей и родственниковъ, за что бралъ съ каждаго по 10—20 р.

Въ подтвержденіе князь представилъ «именныя росписи» новоприборныхъ казаковъ.

Бунаковъ: прибиралъ онь только казачьихъ дѣтей и родственниковъ, и не за деньги... Многихъ же версталъ самъ князь...

Щербатой добивается — за что именно Бунаковъ называетъ его «измѣнникомъ»?..

Б—въ: «измѣнникомъ-де его называетъ по статейному списку» *Бурнашова* и по «пыточнымъ рѣчамъ» послѣдняго... «Пытали» Бурнашова новые воеводы М. *Волынской*, Б. *Коковинской* и дьякъ М. *Ключаревъ*. Послѣдній—«*задушной другъ* ему кн. Осипу»...

Щер—й: Волынской «другъ» Ильи, а Коковинской «Ильѣ свой» человѣкъ и, потому, князь билъ челомъ, чтобы имъ не поручали розыска о Томской смутѣ...

Щербатой снова опровергаетъ показанія «статейнаго списка» Бурнашова, набрасывавшія тѣнь на вѣрноподданническія чувства князя... [2]).

Щ—й: всѣмъ сибирскимъ воеводамъ, служилымъ и жилецкимъ людямъ вѣдомо, что по приказу Бунакова всѣ «отписки и всякія письма» князя перехватывались «на заставахъ» и доставлялись Б—ву, «и онъ въ своихъ *воровскихъ кругахъ* читалъ (ихъ) и списки съ нихъ списывалъ»... Когда ихъ отношенія обострились, Б—въ «городовыя ворота заперъ и рѣшотки запустилъ» и «лѣстницы у сѣней (воеводскаго двора) были розобраны», такъ что князь выѣзжать не могъ...

Б—въ: «шлется онъ на весь городъ», что до пріѣзда М. Волынскаго князь свободно и въ церковь «хаживалъ, и въ деревни ѣзживалъ»...

Щ—й: въ своемъ показаніи о лишеніи свободы также «шлется на весь городъ, опричь Ильиныхъ совѣтниковъ»... Для выѣзда изъ

---

[1]) Выпускаю здѣсь мелочныя подробности препирательствъ князя съ Бунаковымъ о подлогахъ Бурнашова.

[2]) Опускаю далѣе взаимныя и мелочныя препирательства о Григорьѣ Подрѣзѣ-Плещеевѣ и т. п.

Томска получилъ онъ 2 дощаника отъ Бунакова и одинъ отъ М. Ключарева. Когда дощаники были нагружены его «животами» и запасами, то Зиновей Литосовъ съ товарищи, по приказу Бунакова, дощаники «у людей его, съ животами и съ запасы, отняли и людей побросали въ воду»... Животы и запасы князя Бунаковъ отдалъ ясачнымъ людямъ — «*придобрывалъ*» ихъ...

Б—въ отвергаетъ это и спрашиваетъ: съ какою цѣлью онъ ихъ «придобрывалъ» — «какого-де добра» ждалъ отъ ясачныхъ людей?..

Щ—й: «и напередъ сего» онъ билъ челомъ на Б—ва, «что онъ придабривалъ къ себѣ рускихъ и ясачныхъ людей—поилъ и кормилъ» ихъ и проч., чтобы «всѣ люди были въ его Ильинѣ волѣ, и для своей корысти»...

Б—въ сказалъ, «что онъ противъ кн. Осиповы ссылки шлется на весь Томской городъ и на (другіе) городы, опричь его кн. Осиповыхъ друзей», обѣщая принести «друзьямъ роспись»... Заставы были устроены для поимки не гонцовъ съ отписками и письмами Щербатаго, а разныхъ бѣглецовъ и т. п.

Щ—й стоялъ на своемъ и въ подтвержденіе разсказалъ случай, какъ онъ отправилъ въ Москву своихъ гонцовъ съ отписками и «грамотками», которыя, въ виду «воровскихъ заставъ» Бунакова, «задѣланы были въ доску» вмѣстѣ съ драгоцѣнностями жены (серьги, ожерелья и пр.), какъ эту доску перехватили сторонники Б—ва и доставили къ нему.

Все это вѣдомо казаку Ивану Лаврентьеву, который «нынѣ на Москвѣ»: «и *шлется* онъ (князь) въ томъ *на его Ивашкову кожу*»...

Б—въ сознался, что ему была доставлена «доска» съ грамотками и отписками въ Тобольскъ Щ—го, кои Б—въ отослалъ въ Москву, но драгоцѣнностей тамъ не было... Вообще, никакихъ «животовъ» онъ не отнималъ у Щ—го...

«А нынѣ-де кн. Осипъ *шлется на Ивашкову спину* Лаврентьева, и въ томъ-де государева воля»...

Щ—й перечисляетъ свои отписки къ царю, бывшія въ той «доскѣ»...

Б—въ настаиваетъ, что тамъ были только частныя «грамотки» князя, да одна «отписка» его къ Тобольскому воеводѣ. Съ грамотокъ онъ велѣлъ снять списки «впередъ для спору»...

Щ—й: пойманныхъ гонцовъ его привели къ Б—ву «на его *воровской казачей дворъ*», тамъ избили и отдали «за приставы», но они бѣжали къ князю и вмѣстѣ съ нимъ были «въ городѣ *заперты*» до пріѣзда новаго воеводы М. Волынскаго. Грамотки Щ—го Б—въ «въ воровскихъ своихъ *кругахъ* челъ»...

Б—въ: «въ которомъ мѣстѣ въ Томскомъ городѣ у него Ильи *круги* были» и гдѣ были его «заставы»?..

Щ—й: «какъ-де у Ильи *тайные круги* были и покамѣста онъ *воровства не укрѣпилъ*—(круги происходили) у его Ильина двора и на дворѣ, въ день и въ ночь, потому что у него въ то время были люди небольшіе» Бывали также круги на дворѣ *Подрѣза-Плещеева*. А когда они «укрѣпили свой *воровской заводъ*», то «пришли въ городъ къ съѣзжей избѣ, и въ то время въ воровскихъ кругахъ людей было много. И его кн. Осипа хотѣлъ передъ съѣзжею избою зарѣзать Подрѣзъ-Плещеевъ», но у него отняли 3 ножа. «И того жъ числа Ильины совѣтники-воры ему кн. Осипу *отказали* (отъ воеводства). А послѣ того многіе круги были въ острогѣ на площади, да за острогомъ у пруда» около мельницы Б. Патрекѣева, на площади у Богоявленской церкви и «въ иныхъ во многихъ мѣстахъ»...

Затѣмъ Щ—й перечислилъ *заставы*, устроенныя Б—мъ въ 10 и 20 верстахъ отъ города.

Б—въ: на его дворѣ «круговъ и *бунтовъ* не бывало, а будетъ-де *мірскимъ людямъ* доведется о чемъ бить челомъ, и у нихъ *сходъ* бываетъ *у церкви въ трапезѣ*», какъ всегда бывало и раньше, и при Щ—мъ. Заставы же были на обычныхъ мѣстахъ, какъ и при прежнихъ воеводахъ.

По случаю вновь возникшихъ препирательствъ о посольствѣ казачьяго десятника Василья *Бурнашова* къ калмыцкому князцу Кокѣ Абакову, кн. Щ—й подалъ копію «статейнаго списка» отъ 8 мая 157 года (на 8 листахъ).

Въ «статейномъ спискѣ» Бурнашова противъ кн. Щ—го направлены слѣд. мѣста:

Кн. Кока говорилъ Бурнашову: «потому я многое время въ городъ (Томскъ) людей своихъ не посылалъ, што сидѣлъ воевода кн. Осипъ Ивановичъ, а *дурно многое дѣлалъ*»—«грабилъ» служилыхъ и ясачныхъ людей и проч.

Въ «грамоткѣ» къ *Контайшѣ* «называется кн. Осипъ Ивановичъ *непристойными рѣчьми*: пишется къ Контайшѣ въ грамоткѣ «*государю царю*» и «*братомъ*» (его) называется онъ кн. Осипъ»... Кока объяснялъ Контайшѣ, что «кн. Осипъ Ивановичъ худо (такъ) называется», что «государь царь» одинъ и пр.

Кн. Щ—й «велитъ Контайшѣ придтить подъ городъ подъ Томской *войною на государевыхъ людей* воевать»... Контайша звалъ на это Коку, но тотъ отказался, помня «шерть» царю...

Въ объясненіяхъ по поводу подлоговъ Бурнашова Бунаковъ между

прочимъ замѣтилъ, «что онъ *грамоть мало умѣетъ*, а *скорописи честь не умѣетъ*»... (Но послѣднее опровергается 2 собственноручными «грамотками» Бунакова, поданными кн. Щербатовымъ на розыскѣ — см. ниже).

Щербатой: «совѣтники» Бунакова Ѳедоръ *Пущинъ*, Лаврентій *Хомяковъ*, Остафій *Ляпа* съ товарищи «грабили» дома сторонниковъ Щ—го — Петра *Сабанскаго*, Юрья *Тупальскаго*, Василья *Былина*, Родіона *Качалова* и др.—и «съ нимъ Ильею дѣлились»...

Разные документы, представленные кн. Щербатымъ къ розыску: «извѣтныя челобитныя» служилыхъ людей на Бунакова, Патрекѣева, Плещеева и проч.

«Очныя ставки» Щербатаго и Бунакова по поводу этихъ документовъ.

Любопытна «именная роспись», составленная *Плещеевымъ:* «имена тѣмъ *воромъ*, которые забыли государево... крестное цѣлованье, а *передалися* кн. Осипу Щербатому *на винную чарку* (sic) и которые съ нимъ умышляли всякое дурно: дѣти боярскіе — вѣдомой воръ Петръ Сабанской» и т. д.—еще 9 боярскихъ дѣтей, подьячій, казачій десятникъ, 8 казаковъ и пашенный крестьянинъ изъ ссыльныхъ людей Василій Сергѣевъ.

Очная ставка по поводу «извѣта» какого-то Стеньки *Салдата*, что Бунаковъ и его сторонники «*хотятъ* вверхъ по Оби *Донъ завести*»...

Бунаковъ: «въ которыхъ мѣстѣхъ они хотѣли Донъ заводить»?..

Щербатой: «они хотѣли Донъ заводить вверхъ по Оби»...

Б—въ: «онъ Дону заводить вверхъ по Оби *не хачивалъ*, и явки-де отъ Стеньки Салдата и ни отъ кого про то не слыхалъ», въ чемъ «слался на весь городъ»...

Щ—ой: когда Григорій *Жданинъ* и С. Салдатъ «являли», что Бунаковъ «съ своими совѣтники хотятъ Донъ заводить вверхъ по Оби рѣкѣ и вверхъ *Біи* и *Катуни*», Бунаковъ, «собравъ своихъ совѣтниковъ», въ томъ числѣ таможеннаго голову Ѳедора Митрофанова, «хотѣли Гришку и Стеньку пытать, и умысля-де (то), они велѣли бить *въ сполошной колоколъ*». По тревогѣ сошлись служилые и жилецкіе люди, и Бунаковъ велѣлъ Гришку и Стеньку «бить кнутьемъ на козлѣ»...

Б—въ: С. Салдатъ «сказывалъ» ему, что «онъ сидитъ въ тюрьмѣ, и научаютъ-де его Петръ *Сабанской* съ товарищи, чтобъ онъ Стенька сказалъ на него Илью государево великое дѣло, по князь Осипову *составу*»... Солдатъ подалъ о томъ таможенному головѣ «повинную че-

лобитную»... Били-ли Стеньку — «не упомнитъ», а Гришку билъ «за вину»: кн. Щ—ой, «напоя виномъ» его, «велѣлъ на него Илью завести государево дѣло»...

Щ—й: «всѣмъ служилымъ и всякимъ людямъ вѣдомо, какъ тотъ Гришка и Стенька то государево дѣло на него Илью являли».

Затѣмъ кн. Щербатой билъ челомъ, «чтобъ Илью допросить: *на какіе-де росходы* онъ Илья *прошалъ* изъ Тобольска денегъ *16 тысячь рублевъ*»?

Б—въ: «того-де онъ не помнитъ никакъ»!

Щ—й «слался» на Тобольскихъ воеводъ Василья *Шереметева* съ товарищи, на Томскихъ подьячихъ и на собственную «отписку» Бунакова въ Тобольскъ, прибавляя: «знатно-де, что онъ такихъ *великихъ денегъ просилъ* для того, что онъ хотѣлъ съ совѣтники своими *заводить Донъ* вверхъ по Оби и Катуни»...

Б—въ: «вотъ-де будетъ кн. Оспинъ такую отписку написалъ въ Тоболескъ *самъ* его Ильинымъ имянемъ»!..

Щ—й: «онъ такіе отписки въ Тоболескъ не писывалъ»...

Затѣмъ кн. Щ—й продолжалъ: «сказываетъ Илья, что будто воровскихъ круговъ и бунтовъ не бывало», а Ѳедоръ Пущинъ съ товарищи Михаила Салькова и другихъ лицъ «отдавали за приставовъ изъ тѣхъ воровскихъ круговъ»...

Б—въ: «того не вѣдаетъ», что дѣлали Пущинъ съ товарищи...

(Выпускаю здѣсь новыя препирательства Щ—го съ Б—мъ о «статейномъ спискѣ» Бурнашова и проч.).

Щ—й: «запирается Иванъ во всякомъ заводѣ и воровствѣ, и въ измѣнѣ себя прикрываетъ, а какъ-де онъ къ Москвѣ писался въ грамоткахъ *высокимъ имянемъ*, какова имяни ему Богъ не далъ, а та-де *грамотка*—письмо его» къ женѣ дьяка Бориса Исаковича *Патрекѣева*.

И кн. Щ—ой подалъ слѣдующую «грамотку» Бунакова:

«Государынѣ моей *Аленѣ Ивановна* (sic) *Илья* [1]) Бунаковъ челомъ бьетъ: буди, государыня, здорова на вѣки! А про насъ в(с)помянете, и мы у васъ животъ свой зле канчаемъ. Спрашиваютъ (съ) Бориса [2]) двухъ дѣлъ, и счету на мнѣ, и твоево отпуску исъ Томскова къ Москвѣ. *Не выда(й)тя насъ*, помогайтя намъ, а мы вамъ зла никоцава не сотворимъ. Всѣхъ пущо насъ и на меня *князь* [3]) и дьякъ *Михайла* [4])

[1]) Это и есть то «высокое имя», которое употребилъ здѣсь Бунаковъ вмѣсто обычнаго униженнаго сокращенія—«Илейка».

[2]) Патрекѣева.

[3]) Щербатой.

[4]) Ключаревъ.

хочетъ меня въ Бореса(во)мь дѣлѣ въ конецъ погубить и сибирскимъ житьемъ задержать. А у меня съ вами *договоръ* былъ, что меня *ни въ чемъ не выдать*. А нынѣ чая (—ю) за всѣхъ за васъ одинъ животъ свой канчаю и *позоръ принимаю*. Пожалуй, Иванавна и князь Михайла Ивановичъ [1]), попомнетя свое слово—посопствуйтя намъ» [2])...

Бунаковъ призналъ, что эта грамотка писана его рукою.

Щербатой представилъ другую «грамотку» Бунакова къ его «братьямъ» (двоюроднымъ?) Ѳедору и Аникею *Бунаковымъ:*

«Государемъ моимъ братьемъ Ѳедору Сидоровичю (и) Аникею Сидоровичю братишка вашъ Илейка челомъ бьетъ: будитя, государи мои, здоровы навѣки! А про меня извольтя—и я *печалехъ* своихъ *отъ варвара* отъ кн. Осипа Щербатова *адва живъ:* пишетъ на меня *измѣну*. Да онжа промысламъ своимъ меня осадилъ—велена меня *считать и за ево годы*. Пожалуйтя, государи, проситя милостивай заступы у *боярина* Григорья Гавриловича [3]) и у Степана Гавриловича [4]), что(бъ) меня не выдали *такому льву* на снеденья: велѣлъ бы меня счесть съ моево пріѣзду, а не съ князя... (Осипова пріѣзда). А челопитною (—ую) я послалъ къ вамъ и вамъ бы пожаловать вычесть съ приказными людьми. Пожалуйтя, свѣты мои, вынитя меня *изо дна адова*, а я вамъ челомъ бью! А о Михайлѣ *Ключаревѣ* я писалъ, что ево звали въ Приказъ [5]), и онъ самъ не пошелъ, и городами [6]) на нево бьютъ челомъ. А нынеча мнѣ отъ нево великая тѣснота и позоръ. А я вамъ, государямъ своимъ, многа челомъ бью».

Бунаковъ: «та грамотка—письмо его Ильина рука».

И Бунаковъ «билъ челомъ, чтобъ кн. Осипа допросить—*гдѣ* онъ тѣ его грамотки взялъ»?

Щербатой: «нашелъ-де тѣ грамотки его князь Осиповъ человѣкъ Ивашко Воронинъ въ Тобольску на площади, подъ горою».

Затѣмъ кн. Щербатой подалъ извѣстную [7]) «скаску» Томскаго казака Ивана Лаврентьева «*про московскую смуту*», 157 года.

Щербатой: Бунаковъ «сказываетъ», что онъ и его сторонники ему

---

[1]) Вяземской, братъ жены Патрекѣева.

[2]) На этомъ грамотка обрывается—конецъ ея отрѣзанъ.—Почеркъ Бунакова крупный, размашистый, неправильный, т. е. почеркъ мало пишущаго человѣка.

[3]) *Пушкинъ*,—см. «Обозр. Сиб. Пр.», IV, 205.

[4]) Братъ его.

[5]) Сибирскій?

[6]) Сибирскими.

[7]) См. *Зерцалова* «Къ исторіи мятежа 1648 г.», сс. 33—35.

князю «отъ государевыхъ дѣлъ не отказывали, и онъ бы сказалъ— для чего онъ Илья государевы дѣла изъ съѣзжей избы изъ города на казачей на сѣзжой дворъ переносилъ»?...

Бунаковъ сознается, что «подьяческіе ящики съ дѣлами» онъ, «*по воровскому челобитью*», велѣлъ перенести «на съѣзжей дворъ», но «старыхъ дѣлъ» изъ съѣзжей избы не трогалъ...

Щ—й: переносили «всякія государевы дѣла и указныя всяыія государевы грамоты», кои носили «по многіе дни», причемъ государевы грамоты Бунаковъ «поималъ къ себѣ на дворъ», гдѣ и держалъ ихъ «долгое время»...

Б—въ: онъ велѣлъ перенести къ себѣ только «свой ящикъ», но государевыхъ грамотъ у себя не держалъ...

Щ—ой стоялъ на своемъ и «слался на весь городъ», увѣряя, что съѣзжая изба «была пуста и кормили въ ней остяковъ»...

Затѣмъ кн. Щербатой продолжалъ:

«Какъ-де *посылалъ* Илья Бунаковъ съ своими совѣтники въ *Кузнецкой* острогъ *и въ иные остроги*, тайнымъ обычаемъ, *воровскіе грамотки къ воромъ* глухо, а иныхъ-де воровъ имяна объявятся, и съ тѣхъ-де грамотокъ списки (есть) въ Сибирскомъ приказѣ, а въ тѣхъ воровскихъ грамоткахъ написано, *чтобъ смута и воровство завесть въ тѣхъ острогахъ* также, какое и онъ Илья завелъ въ Томскомъ городѣ съ своими совѣтники, что послали они изъ Томского къ Москвѣ 40 человѣкъ бить челомъ государю на него кн. Осипа и на Петра Сабанскаго съ товарищи».

«Да и *изо всѣхъ-де сибирскихъ городовъ на воеводъ поѣхали бити челомъ* государю, и они-де (томскіе «воры») Кузнецкихъ и изо всѣхъ чиновъ (городовъ?) людей къ себѣ въ Томской съ собою государю бити челомъ *ждали*, и ихъ-де не дождались, и онибъ-де спѣшили за ними, а только-де они нынѣ не поѣдутъ бити челомъ государю къ Москвѣ, и *имъ-де и дѣтемъ ихъ такова времени нѣ дождатся*».

«Да въ тѣхъ воровскихъ грамоткахъ написано: велѣно ихъ *прочесть на площади*, и похваляючись, что они Томскіе воры и завотчики Петра Сабанскаго съ товарищи 22 человѣкъ ослопы били и въ тюрьму сажали. И какъ-де воровскіе грамотки на площади вычли, и въ тожъ-де время *въ Кузнецкомъ* острогѣ *учинилась смута большая*, и хотѣли воры побить многихъ добрыхъ людей, и о томъ-де воевода изъ Кузнецкого къ государю писалъ, и съ тѣхъ воровскихъ грамотъ прислалъ списки».

«А посылалъ-де съ такими грамотки Илья въ Кузнецкой острогъ Ондрюшку *Батонога*, съ племянникомъ съ Богдашкомъ», о чемъ писалъ государю Кузнецкій воевода.

Въ *Красноярскѣ* Бунаковъ посылалъ «воровскія грамотки» съ Зиновеемъ *Литосовымъ* съ товарищи, а въ *Енисейскѣ* — «съ мужикомъ», котораго Илья «привезъ съ Руси, а называлъ его своимъ».

Бунаковъ: «воровскихъ грамотокъ въ тѣ остроги съ тѣми людьми не посылывалъ, и слался на тѣхъ же людей».

Щербатой: «онъ Илья и самъ сказалъ (?), что посылалъ тѣ грамотки тайнымъ обычаемъ, и государь бы пожаловалъ—велѣлъ про тѣ грамотки сыскать по рукамъ, кто тѣ грамотки писалъ».

Б—въ: «*вось-де* будетъ какіе воровскіе грамотки и онъ *кн. Осипъ писалъ* съ своими совѣтники, хотя его погубить»!

Щ—й: «какъ-де ему на себя такіе грамотки писать»?!

Затѣмъ кн. Щербатой подалъ «письмо за своею рукою» о разныхъ болѣе мелкихъ обстоятельствахъ изъ времени борьбы и раздоровъ съ Бунаковымъ и его партіей. «Письмо» въ 43 «статьяхъ», изъ которыхъ привожу болѣе существенныя:

29 іюня 156 г., когда кн. Осипъ сидѣлъ «запертымъ» на воеводскомъ дворѣ, къ Бунакову явились служилые люди Василій Рыбниковъ и Никифоръ Легачевъ съ товарищи и били челомъ, чтобы онъ «поволилъ имъ итти ко мнѣ Оськѣ съ говядиною, или съ инымъ съ чѣмъ съяснымъ, для празника Петрова дни, чтобъ меня не уморить съ голоду»... Но Бунаковъ «облаялъ» ихъ и не пустилъ къ князю «и я жилъ съ самою большою нужею, что продавать (мнѣ припасовъ) не велѣно, а даромъ принесть тожъ не велятъ»...

6 іюля крестьянинъ Ѳока Михайловъ принесъ «хлѣбъ да ведро браги» сидѣвшимъ въ тюрьмѣ сторонникамъ князя боярскому сыну Петру Сабанскому съ товарищи, но караульщики не только не пропустили къ нимъ Михайлова съ его «милостынею», но даже, по приказу Бунакова, посадили крестьянина въ тюрьму и избили «ослопьемъ»... Бунаковъ приказалъ также поступать со всѣми, кто будетъ приносить «милостыню» тюремнымъ сидѣльцамъ.

25 августа, ночью, Бунаковъ съ своими «совѣтниками» (Григорій *Подрѣзъ-Плещеевъ*, подьячій Захаръ *Давыдовъ*, боярскіе дѣти Ѳедоръ *Редровъ*, Василій *Ергольской*, Юрій *Трапезонской*, казаки Иванъ *Попадейкинъ*, Петръ *Кутьинъ* и др.) «велѣлъ учинить *всполохъ* — въ колоколъ бить, и какъ къ нему на лошадяхъ съѣхалися и сошлися многіе (люди) къ его *воровскому съѣзжему двору*, и онъ сказалъ, бутто я Оська на дощаникъ *жену* свою отпустилъ съ людьми къ Руси»...

Бунаковъ послалъ къ дощанику казака Василія Бондыря съ товарищи «осматривать—тутъ ли жена моя»?—Бондырь пошелъ на дощаникъ съ огнемъ (дѣло было вечеромъ)—«ко всѣмъ бабамъ въ глаза

заглядывалъ», но княгини не нашелъ и узналъ отъ людей князя, что она осталась на воеводскомъ дворѣ. Бунаковъ не повѣрилъ и послалъ людей «тоть дощаникъ воротить», но онъ успѣлъ далеко уплыть внизъ по р. Томи и его не догнали...

Въ своемъ «воровскомъ кругу» бунтовщики изблили попа Сидора (сторонника кн. Щербатаго), его жену и дочь, за то, что онъ писалъ о Томской смутѣ къ Тобольскому архіепископу...

По этому поводу Щербатой вообще замѣчаетъ о Бунаковѣ: «и то его Ильино воровство стало знатно—дѣлать почалъ безстрашно, учалъ быть самовластенъ»...

Бунаковъ часто дѣлалъ «смотры» ратнымъ людямъ, со стрѣльбою. На одномъ смотру онъ «велѣлъ въ своихъ воровскихъ кругахъ Ѳедькину сыну *Пущина бить челомъ войску* на дядю своего родного на Григорья Пущина, что бутто онъ Григорей *отъ войска отставаетъ, а съ войскомъ не тянетъ*, и его и мать обидитъ, чтобъ ему Григорью *войсковое наказанье* учинить»...

Бунаковъ часто и усердно поилъ своихъ сторонниковъ государевымъ виномъ.

Его главный сообщникъ Григорій *Подрѣзъ-Плещеевъ*, по «извѣту» его же «духовнаго отца» попа Бориса—«сидитъ вино, варитъ пиво и брагу, медъ ставитъ» и все это продаетъ, также «зернь и *блядню* у себя держитъ». Бунаковъ, «дружа» Плещееву «для вопщого ихъ воровского заводу, ничего ему не учинилъ и винныхъ судовъ у него на дворѣ не велѣлъ взять»...

Далѣе идутъ отвѣты Бунакова противъ всѣхъ 43 обвинительныхъ «статей» кн. Щербатаго и «очныя ставки» съ княземъ. Бунаковъ голословно все отвергалъ.

Къ предыдущему своему «письму» кн. Щербатой приложилъ «скаску» 156 года, поданную *Нарымскому* воеводѣ боярскимъ сыномъ Романомъ Гражевскимъ, о Томскихъ смутахъ и бунтѣ [1]).

Въ заключеніе кн. Щербатой выставилъ противъ Бунакова еще нѣсколько менѣе существенныхъ обвиненій въ разныхъ злоупотребленіяхъ и проч., но здѣсь нѣтъ новыхъ данныхъ о Томскомъ бунтѣ.

Н. Оглоблинъ.

---

[1]) См. *Зерцалова* «Къ исторіи мятежа 1648 г.», сс. 35—36.